

Воскресенье, 1-го ноября 1898 года.

№ 234.

# Сибирская Жизнь

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

Контора редакціи «Сибирской Жизни» при магазинѣ П. И. Макушина открыта для справокъ и объясненій по дѣламъ газеты ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) съ 9 до 12 часовъ утра и съ 4 до 6 вѣч. Телефонъ № 86.

Посылаемые въ редакцію статьи и сообщенія должны быть подписаны фамиліей ихъ автора съ обозначеніемъ его адреса. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ напечатанію и сокращеніямъ. — Размѣръ гонорара опредѣляется по взаимному соглашенію редакціи съ авторомъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются безплатными.

Статьи, признанныя неудобными хранятся въ редакціи три мѣсяца и затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Отдѣльный № 3 п.

## Журнальное обозрение.

(Августовская книжка „Рус. Бог.“, „Рус. Мысли“, „Вест. Евр.“ и „Миръ Бож.“; „Журналъ для всѣхъ“ I—IX кн.)

Въ одной изъ первыхъ главъ романа И. Н. Потапенко „Два счастья“ (М. Б., I—X кн.), неоконченного и до сихъ поръ, есть характерная сценка. Одинъ изъ героев романа, писатель Скорбянский, въ разговорѣ о литературѣ, полусерьезно говоритъ, что онъ давно уже не читаетъ книгъ, а только пишетъ ихъ.

— Вы разочаровались въ книгѣ?—спрашиваютъ его.

— Да видите-ли, я слышомъ хорошо знаю, какъ онѣ дѣлаются. Говорятъ, что кто хотъ разъ видѣлъ, какъ иѣсятъ тѣсто для булокъ въ пекарнѣ, тотъ больше не станетъ ѣсть этихъ булокъ.

Не знаю, много-ли среда представителей нашей литературы людей, которые не читаютъ, а только пишутъ книги, и въ глазахъ которыхъ приготовленіе тѣста для булокъ на продажу и процессъ художественнаго творчества—вещи одинаковаго порядка, но самый только что названный романъ написанъ повидимому однимъ изъ такихъ ремесленниковъ. Какъ ни скудна по части талантовъ текущая беллетристика нашихъ дней, стыхъ журналовъ, по „Два счастья“ даже среди нея стоятъ особнякомъ, какъ вещь совершенно бездарная. Нелѣпость фабулы, отсутствіе всякой художественности, необычайная растянутасть и водянистость—вотъ главныя свойства этого произведенія. Пересказывать или разбирать этотъ романъ—работа очень не благодарная, да едва-ли и нужная; удивляться тому, что на страницахъ серьезнаго и приличнаго журнала появляются произведенія лубочнаго характера тоже не приходится, потому что къ этому нашей читающей публикѣ не привыкать. По этому я вовсе и не мѣшаю въ виду касаться этого романа, но теперь въ „Русской Мысли“ (IX кн.) появилась критическая статья о произведеніяхъ г. Потапенко, принадлежавшая перу М. А. Протопопова. Статья эта такъ характерна, что объ ней не только мнѣ не хотѣлось-бы, а, говоря о ней, трудно было-бы не упомянуть и о послѣднемъ произведеніи г. Потапенко, характерномъ для его художественнаго творчества вообще.

Г-нъ Протопоповъ—человѣкъ уже не молодой, какъ онъ предупредительно сообщаетъ въ упомянутой статьѣ о г. Потапенко („Водный талантъ“), пишетъ онъ давно, и его литературная репутація установилась довольно прочно. Правда, произведенія первыхъ и послѣднихъ лѣтъ его литературной дѣятельности въ многомъ очень различны. Прежде читатель искалъ и нерѣдко находилъ въ его произведеніяхъ содержаніе, какую-нибудь новую мысль; теперь г. Протопоповъ читаетъ больше для развлечения, какъ бойнаго иногда и остроумнаго фельетониста, на каждомъ шагѣ оригинальничавшаго, говорящаго хлесткими и эффектными фразами. Уменьшилось ли у г. Протопопова, вслѣдствіе такой перемены, число читателей—сказать трудно, но контингентъ ихъ несомнѣнно измѣнился.—Въ области отечественной литературы г. Протопоповъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ и сортируетъ писателей, нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, какое мѣсто тотъ или иной занималъ до его появленія. Однихъ, какъ напр. Д. И. Писарева, онъ развивалъ и водворялъ въ галлерею русскихъ писателей на новое мѣсто—нижнюю полку, другихъ, какъ г. Потапенко, по головкѣ поглядѣвъ и одобряя, о третьихъ, наконецъ, какъ о В. Г. Короленко, онъ совсѣмъ умолчалъ, чѣмъ опять таки не преминулъ довести до свѣдѣнія читателей (см. ниже). Въ упомянутой статьѣ о г. Потапенко, г. Протопоповъ характеризуетъ его какъ *бодрый талантъ* и ставитъ на рядъ съ Гаршинымъ, Новодворскимъ и г. Чеховымъ. Правда, онъ отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки произведеній г. Потапенко съ этической точки зрѣнія, но крупныя литературныя достоинства ихъ считаетъ безспорными и очень сердится на то, что критика наша недостаточно внимательна къ г. Потапенко. „Въ то время, какъ Гаршинъ, г. Чеховъ и, въ особенности, г. Короленко работали при самой горячей критической поддержкѣ, говоритъ онъ, г. Потапенко оставался почти въ полномъ одиночествѣ и шелъ впередъ на свой собственный страхъ и рискъ. За единственнымъ исключеніемъ г. Скабичевского, ни одинъ изъ нашихъ современныхъ критиковъ не далъ о г. Потапенкѣ критической статьи, тогда какъ, напр., о г. Короленко, за единственнымъ исключеніемъ (монъ), всѣ наши критики, отъ Арсеньева до Говоруки-отрока, безъ различія направленій и школъ, писали подробно и обстоятельно, въ хвалебномъ, иногда даже просто рекламномъ тонѣ. Чѣмъ объяснить это? Во первыхъ, тѣмъ, конечно,—если это только объясненіе, *homo sentiens sua lidelli*, во-вторыхъ тѣмъ, что г. Потапенко—писатель и человекъ „свѣжій отъ партіи“ какъ выразился про Наполеона Левъ Толстой. Какъ-бы то ни было, это отсутствіе поддержки, это относительное одиночество г. Потапенко не повліяли на его энергію: остроумничайте и хихикайте сколько угодно, но онъ каждый годъ пишетъ столько, сколько Гаршинъ написалъ во всю свою жизнь, и я опять спрошу: это ли не бодрость?..“

Остроумничать и хихикать здѣсь, конечно, нечего, но нечего радоваться бодрости таланта г. Потапенко, выражающейся въ его неогнѣнной плодовитости. Это правда, что Гаршинъ во всю свою жизнь не написалъ столько, сколько г. Потапенко пишетъ каждый годъ, но правда также и то, что все написанное г. Потапенко, взятое вѣрѣе, не стоитъ самаго крошечнаго разсказа Гаршина и что г. Потапенко во всю жизнь не написалъ да—скажу можно сказать и ненаписать ничего равнаго слабѣйшему изъ произведеній Гаршина. Почти въ такомъ же положеніи г. Потапенко находится и по отношенію къ г. Короленко. Нечего поэто-

му удивляться, что Гаршина, Чехова и Короленко критика хвалила и «за единственнымъ исключеніемъ» занималась ихъ произведеніями, а о г. Потапенко—опять таки «за единственнымъ исключеніемъ»—умалчивала и лишь теперь осчастливила его своимъ вниманіемъ, въ видѣ статьи г. Протопопова. Въ неодинаковости успѣха произведеній г. Потапенко и Короленко виновата, конечно, не судьба, на которую пеняетъ нашъ критикъ, а то обстоятельство, что между талантами этихъ двухъ писателей «дистанція огромнаго размаха». Напрасно также ищетъ г. Протопоповъ объясненія того, съ которою отнесется къ произведеніямъ г. Потапенко наша критика, и въ томъ, что онъ—«писатель и человекъ свѣжій отъ партіи». Ант. Чеховъ въ этомъ отношеніи можетъ быть поставленъ рядомъ съ г. Потапенко, но критика всегда занималась имъ гораздо болѣе, чѣмъ послѣднимъ, потому что справедливо видѣла въ немъ гораздо большую величину. Что касается г. Короленко, то, хотя онъ и не можетъ считаться писателемъ и человекомъ свѣжій отъ партіи, но уже одно то обстоятельство, что о немъ, говоря словами самого г. Протопопова, писали подробно и обстоятельно, въ хвалебномъ, иногда даже прямо рекламномъ тонѣ, всѣ наши критики... безъ различія направленій и школъ (курсивъ нашъ)—показываетъ, что своей популярностью онъ обязанъ отнюдь не своей партійности.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ г. Потапенко, по мнѣнію г. Протопопова, даже превосходитъ своихъ сверстниковъ, въ родѣ Гаршина, Новодворскаго и Короленко. Такъ прежде всего ему чужды разнаго рода сомнѣнія и колебанія, столь присущія другимъ нашимъ крупнымъ литераторамъ. Въ этомъ краткій видѣтъ новое подтвержденіе того, что талантъ г. Потапенко—бодрый талантъ, шестувущій впередъ безъ размышленій, безъ тоски, безъ думъ роковой, безъ коварныхъ и пустыхъ сомнѣній... Его не мучатъ и никогда не мучили никакія сомнѣнія, говоритъ г. Протопоповъ, никакихъ утѣвительныхъ доводовъ г. Потапенко не переживалъ, не падалъ и не поднимался, не пытался лѣзть, а бодро выступалъ дѣловитой рысцой человека, озабоченнаго насущными нуждами.

О вкусахъ, конечно, не спорить, но эта то мѣщанская уравновѣшенность, эта то убогая міросозерцанія и безучастное отношеніе г. Потапенко къ вопросамъ, которые мучатъ и волнуютъ другихъ талантливыхъ представителей нашей литературы, и являются на нашъ взглядъ, однимъ изъ главныхъ недостатковъ его творчества. Любителей произведеній, написанныхъ безъ размышленій безъ думъ роковой, безъ коварныхъ и пустыхъ сомнѣній у насъ, конечно, не мало и потому г. Потапенко спокойно можетъ подлизываться на литературномъ поприщѣ, подвигаясь впередъ своей доброй дѣловитой рысцой, но критикъ съ его произведеніями дѣлать нечего. Совершенно другое дѣло, если бы, при отсутствіи художественности, его произведенія по крайней мѣрѣ такъ или иначе касались вопросовъ окружающей дѣятельности, если бы авторъ пользовался обрисовываемыми въ нихъ типами для выраженія своихъ идей. Тогда чувствовалось бы, что у автора все-таки есть что то за душою и что у произведеній его есть свой цѣль. Именно это свойство и привлекло вниманіе читателей къ нѣкоторымъ изъ его первымъ произведеніямъ, какъ „На дѣйствительной службѣ“, „Генеральская дочка“ и нѣк. др. Прогрессивный характеръ этихъ разсказовъ понравился читающей публикѣ и примирялъ ее съ ихъ художественными недостатками. Теперь эти черты въ произведеніяхъ г. Потапенко нѣтъ и слѣда, и отсутствіе художественности, совмѣщенное съ безсодержательностью, дѣлаетъ ихъ невыносимыми.

Оставимъ однако „бодрый талантъ“ г. Потапенко въ тѣхъ съ немѣнѣе „бодрымъ талантомъ“ его критика и упомянемъ вкратцѣ о другихъ произведеніяхъ текущей журналистики.

Августовская книжка „Рус. Бог.“, въ смыслѣ беллетристики, не даетъ ничего интереснаго. Въ августовской книжкѣ „Рус. Мысли“ начатъ интересный переводный романъ „Столица общества“ норвежскаго писателя Александра Квелаада. Остатки романа на этотъ романъ еще рано. Въ „Мирѣ Бож.“ за августъ, кромѣ прекраснаго романа „Въ поискахъ свѣта“ Холмъ Кенз, помѣщена талантливая повѣсть Беатрисы Гарраденъ „Гильда Страффордъ“, изъ жизни интеллигентныхъ колонистовъ Южной Калифорніи и недурной очеркъ Гр. Мачтета „Два типа“. Августовская книжка „Сѣв. Вѣст.“ почему то сильно запоздала выходя и еще не получена.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ упомянуть о самомъ дешевомъ иллюстрированномъ еженѣсичномъ журналѣ „Журналъ для всѣхъ“. Подъ новою редакціей „Журналъ для всѣхъ“ выходитъ первый годъ, но успѣлъ уже значительно измѣниться къ лучшему. Изданіе это заслуживаетъ полнаго вниманія читающей публики, потому что гораздо чистоплотнѣе, выдержаннѣе и содержательнѣе другихъ дешевыхъ журналовъ. Въ вышедшихъ за минувшій годъ книжкахъ журнала помѣщенъ рядъ популярно-научныхъ статей, рядъ оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведений, среди которыхъ находится 5 или 6 прекрасныхъ разсказовъ Маріи Кононовички, нѣсколько недурныхъ стихотвореній и т. д. Отдѣлъ иллюстрацій тоже хорошъ. Изъ Сибирской жизни въ журналѣ былъ помѣщенъ не безъ таланта написанный разсказъ Ф. Романова „Въ тайгу съ рабочими“ (VIII—IV кн.) и очеркъ П. Кулакова изъ жизни сибирскихъ татаръ „Копакъ“ (VI, II).